

Зелень твоей земли морем стелется к моим ногам, напоминая мне о выжженных склонах гор далёкой Наири. Сердце моё полоснул палач, и две его дольки никогда не сольются воедино.

Тот, кто надолго оставил родной край, вряд ли найдёт своё жилище нетронутым, но и в новом пристанище не найти его сердцу покоя.

Даже если пришелец купил себе дом, уплатив за него втридорога, всем кажется, что дом достался ему по дешёвке.

Если же чужак выстроил свой очаг своими руками, никто не будет считать его полноправным хозяином дома, и пламя камина никогда не согреет замёрзшую душу.

Тех, кто поднялся в космос и увидел, что Земля – большой дом, мало. Тем же, кто находится внутри дома, трудно осознать, что, быть может, у них нет собратьев во всей Галактике.

Если человечество сохранит свой дом, Земля станет памятником ему.

Женщина может стать для влюблённого всем миром, но даже Вселенная не заменит ему любви к женщине.

Все богатства переходят из рук в руки, обретая всё новых и новых владельцев, и только сокровища души могут принадлежать тебе и всем одновременно. Сохрани же в себе ценности, чтобы раздать их нуждающимся.

Великий дар богов моему народу – талант. И если на твою долю выпало счастье иметь хотя бы зёрнышко его, взрасти семя в своём саду и отдай людям безвозмездно.

1983

Мне в грудь стучатся тролли,
Связав руки узлами,
Висят на шее скорбной,
Долбят сердце носами.

Глухи удары молота –
Узор уродливых вмятин:
Судьба - чеканщик Севера –
Покрыла меня гнойниками.

Запахи южных нарциссов –
Символ свободного солнца, –
Словно алоэ на рану,
Льются на чужеродца.

Грусть, как долина безмолвия,
Обняла сердца ракушку,
Слёзы, что льдины Антарктики,
Стиснули, будто игрушку.

Гонимых пути обновляя,
Бреду я дорогой безвестия,
Чу... – чудится, рукоплещет
Шум ветра меж сосен, приветствуя.

1983

Юные сосенки поздней весной
Тянутся свечками ввысь надо мной,
Ива плакучая, сгорбившись вся,
Горько рыдает, листву наклоня.

Клён полнотелый стоит на краю,
Словно чужой в том зелёном ряду,
Только берёзка, славянки душа,
Вглубь заглянула, беду там прочтя:

«Вижу, что горечь на сердце твоём,
Сядь мне под крону, побудем вдвоём,
Лоб свой горящий ко мне прислони,
Сок мой отведай, из самой души...»

Женское сердце в дереве том...
Грудь обожгло мне особым огнём –
Вспомнились МАМЫ родные глаза,
Руки её, что ласкали меня...

Я уж не молод, в снегу голова,
Холод чужбины познал я сполна...
И, как ребёнок, прижавшись к стволу,
Плакал гариб*, проклиная судьбу.

1983

* Гариб (армянск.) – бродяга, странник.

Дожди, дожди!
Зачем излили вы потоки
На мостовые их души.
Там не взойдут колосьев всходы –
Уйдут под землю ручейки.

Их серой равнодушной глади
Не страшны лёд и зло жары,
Хотел коснуться их...
И что же?
Расхохотались в лицо они.

Ни град, ни ливень
И не слёз накаты
Не растревожат их, не всколыхнут.
Не расточайте своей прохлады
На мёрзлый лёд, бездушный люд.

Дожди, дожди!
Вас ждут в иных широтах,
Вам внимлют, вы необходимы там,
Никто не назовёт вас непогодой –
Ведь для иссохших душ вы как бальзам.

1983

В старении телесной оболочки есть смысл особенный –
Смысл Бога и законов мироздания.
Душа невидимыми нитями вплетается
В космический ковёр, творя рисунок Созиданья...
И надвигается на нас тяжёлая усталость тела и души,
Склоняемся мы к одиночеству и к размышлениям в тиши.
Осмыслив жизненный свой путь и подведя итоги,
Мы вглядываемся в остаток жизненной дороги –
И нет уж тайн у странника в пути: что видно вдалеке,
То было прежде, а к истине идти ещё, идти...
Мы все разобщены, и кануло в небытие
Когда-то нам присущее взаимообогащенье.
Мы стали холодны, и не присуще нынче нам
Душевное людское взаимоотепленье,
А старость уж близка, седая тень её на линии пересечений.
И старая пчела вершит последний свой полёт в долину вдохновений...

1983

Сегодня пьян я, и пьян
Не с моего и не с чужого горя –
А просто надоела сердца рвань.
Обнялись мысль с душой, не споря,
Как жизни накипь и похмелья дрянь.

Пил я сегодня не как прежде,
Опустошая рюмок взвод, –
Пил медленно, без страсти и надежды,
Сегодня я – солдат, и дом мой – дзот.

Я пил, как варвар, за вчера и за сегодня,
А может, и за много дней вперед,
Сегодня я плюю на все и вся свободно,
А завтра, каясь, погружусь в души разброд.

1983

Ивы на моей улице

Древние ивы на улице старой веками умудрённые стоят,
Склонив ветви ручейками, будто молвить о чём-то хотят.
Я слышу их вечерний шёпот и шелест узкого листа,
Когда в мой тихий северный город мягкой поступью входит весна.

Сколько ж, ивы, вы помните за истекшие времена?!
В мрачное средневековье память юной у вас была.
Ох, вы, ивушки-дружки, милые мои старушки,
Свидетели безнадёжно-грустного моего труда,

Не забудьте бедного скульптора, горемычного чужака,
Запишите в свою летопись дни долгих моих невзгод,
Объясните всем незнающим, как истину я берёг,
Позовите моих правнуков, притяните их нежно к себе,

Расскажите, что прадед-южанин беспокоился об их судьбе.
Ох, вы, ивушки-душки, добрые мои старушки,
Мне бы в ряд с вами вместе встать,
Поклониться Земле нашей низко, да и летопись свою начать.

1983

Вечер,
Тихо
И тревожно,
Как всегда весной.

Но кто-то рядом
Живёт так просто:
День отработал –
Спешит домой.

Я в мастерской –
Отшельника пещере, –
Здесь сыро
И темно.

Здесь,
Нет, не в могиле,
Но я – мертвец,
Мне всё равно.

Сижу,
Молчу,
Рука на глине,
И думаю...

О чём?
Не знаю,
Сразу обо всём:
О Рембрандте,

Домье и Модильяни
И, смешно,
Конечно,
О себе самом.

1983

Господи!
Сколько лет прошло
Незаметно,
И не завершено еще ничего,
И это заметно.

Вроде трудился в поте лица,
Бился,
А временами думается, и неспроста
С дороги сбился.

Сверкает ли моя звезда
Вечно,
А не погасла ли она
Так быстротечно?

Я не милостыни прошу
У мироздания,
Хочу лишь отыскать звезду
Судьбы познания.

Господи! Сколько же пролетело
Со дня основания,
А человек всегда в плену
У своего сознания.

1983

Небрежным словом ранить сердце
Так легко,
И в доверительной беседе как бы отвлечься.
Увы! Старо!
А ты попробуй быть на страже
Собственного «я»,
Попробуй сделать человека краше
Не для себя.
Сумей возвыситься душою,
Как никто,
Пусть говорят, что в нашем веке
Изобретаешь колесо.
Ты спросишь, для чего?
Отвечу: для того,
Чтоб побеждать могло хоть иногда добро.

1983

Хочу я подвести черту
Под прожитую жизнь свою,
Чтобы осмыслить и понять,
Как дальше век свой коротать.

Я долго жил, почти сто лет,
В одной душе зажѐг лишь свет,
Трудился я, не зная сна,
В кармане ж ныне ни гроша.

И хоть я прожил сотню лет,
Вопросов тьма, ответов нет,
И основной вопрос всегда:
С чего же началась судьба?

Подумать! Прожил сотню лет,
Оставив черепаший след,
Одна надежда лишь на то,
К двум сотням выдать на все сто.

1983

Время

Годы. Время.
Сколько пройдено, сколько труда,
Сколько вложено вдохновенья.
Что ж, по-твоему, всё зря?

Не ты ль единственный судья,
Кто судит всех нас беспристрастно?
На суд готов явиться я,
Ответ мой краток... Не напрасно!

Как лук скитальца Одиссея,
Натянута моя душа.
Не зло, добро лишь сею,
А камень часто настигал меня.

И только на судилище твоём
Готов смиренно я склонить колени.
Бесмыслен труд мой иль полезен он,
Тебе лишь, Время, разрешить мои сомненья.

1983

Вечереет,
Город погружается в синеву.
Темнеет,
Бархат неба дарит мглу.

Смеркается,
Умолк ребячий гвалт,
Ночь. Мысль проявляется,
И крепежник к ней души базальт.

Минула ночь,
Я эту пленку проявил.
И посмотреть не прочь,
Что за ночь ум наворотил.

О Боже! Вот бедлам!
Бросает тело в дрожь,
Неужто это я, всё сам?
И за одну лишь только ночь?

Где только не витала мысль,
Где только не плыла,
Порой попав в порочный круг,
Подолгу выплыть не могла.

А если взять да подсчитать
За ночь накопленного зла,
То ох - ох - ох! Как вам сказать?
Нужна ли шее такая голова?

1983

Лес в Мустамяэ

Лес Чёрной Горки,
Сегодня ты заполнен солнцем
И песнями весёлых птиц,
А люди, как моржи, лениво
Лежат на травке вдоль твоих границ.

Ни ветерка, ни тучки в небе,
И на траве ни капельки росы.
Гармония, и жизнь в полнейшей неге, –
Союз природы и души.

Но это миг, редчайший миг явления,
Когда наружу *эго* вырвалось само,
Но час недолог наслажденья, –
Оно, как прежде, внутрь погружено.

1983

Внезапно она приходит, внезапно.
Неизменно заставляя меня врасплох,
И всегда я спрашиваю себя: „Непонятно,
За что такое? Когда и с кем я был настолько плох?“

Как тягучая, тёмно-зелёная жидкость,
Заполнившая иссохшего сердца сосуд,
Очевидно, в далёкую, дикую бытность
Предки с ней вершили свой суд.

Суть ли дела в одних только генах,
Или время скопило сей яд,
Только знаю, она в моих венах,
Столько дней отравила подряд.

И когда в припадке приступа,
Когда дышится тяжело,
Я хватаюсь за стенки выступа,
Чтоб не убить никого.

Моя злоба почти живая,
Если вскрыть мне сердца люк,
Выйдет джинн, глазами сверкая,
Как жестокий, свирепый мамлюк.

1983

Бессонница

Она всегда приходит как-то
Ненавязчиво ко мне.
Я к ней привык,
И я её жалею.
Она одна, как я,
В кромешной тьме.

Подолгу мы сидим вдвоём,
Молчим
И смотрим друг на друга,
Она сама
Находит себе друга.

А иногда
Я с ней заигрываю слегка,
Совсем немного,
Она ведь молчалива,
Не рассказывает, где была
И почему не приходила.

Когда рюкзак моей надежды
Был полон и тяжёл,
Не думал я тогда о ночи,
Я в день охотно шёл.
И вот опять она,

Пришла,
Как верная жена,
Простила,
Мельком взглянула,
Поняла,
Что день мой был постылым.

1983

Казалось бы, живи себе ты в этом мире,
Ешь, пей, гуляй, бери от жизни всё,
И не мечись, не рви ты струны своей лиры,
Что можно изменить в реальной жизни? Ничего!

Мой современник! К тебе я обращаюсь, хочу тебя спросить.
Ты помнишь, как-то в Древнем Риме рабы взяли историю вершить?
Был раб Спартак, он стал свободным, он тоже мог гулять и пить,
Но сердце Спартака с народом и повело его элиту бить.

И так от века к веку, с дальних тех времён,
Звучала песнь о битвах, где предводительствовал он,
И ныне песнь поётся о славном Спартаке,
Бессмертна эта песня на нашей всей Земле.

Мы не рабы, мы граждане, мы сами по себе,
Ни ты, ни я не гладиаторы с мечами на коне,
Мы просто-напросто живущие, улитки мы в себе,
Не будут петься песни ни о тебе, ни обо мне.

1984

Проваливаемся мы в мякину
И вязнем в собственных делах,
Слова натёрты парафином,
Система терпит полный крах.

На умников сезон, как на грибы-поганки,
Поднаторели в петушиных-то боях,
Всё кукарекают, как прежде, спозаранку,
И рвутся в бой, вот только на словах.

Всё заседают, заседают, заседают
И отрабатывают законов свод,
А беженцы все прибывают, прибывают,
И жизни их не позавидует и скот.

Приехали к „счастливому“ финалу,
Уж десять лет обещанного ждём,
И проясняется в сознании мал-помалу,
Что социализм – иссохший водоём.

Мне помнится, был монумент пролетариату
В бакинском сквере Двадцати шести.
Земную ось держал рабочий, как лопату,
И поворачивал вокруг своей оси.

Жаль, автор композиции Сабсай
Не дожил до печальных наших дней,
Ведь в коммунизм бетонных свай
Он верил как в основу всех идей.

Хотел бы я спросить у автора в итоге,
Живи он и поныне среди нас,
Куда бы он поставил парню нынче ноги,
На шар, как прежде, или в прокисший квас.

1990

Тоска. Не только потому, что все мы пред вопросом,
Как прокормиться,
Тоска и по всему тому, что раньше было цельным,
А нынче может развалиться.
Нас обобрали, как говорят в народе, по первое число,
По граммам мы теряем Родину, а им-то хоть бы что.

Заклинило в сознании – бежать, бежать, бежать.
Не за себя – за близких мне страха не унять.
Про общий европейский дом нам вдалбливает пресса,
А беженцев не назовешь явлением прогресса.

Похоже, что за семьдесят с немалым мы мало поумнели,
Национализм пустил побег, вот тут мы преуспели,
Вот и воюем, как в древнее доисторическое время,
Сначала словом, потом булыжником – такое нынешнее племя.

1990

К скульптуре „Валун“

Ледником заброшенные валуны,
Тихие в своей печали,
От горечи сгорбившись, стали
Друзьями верными земли.

Ваятель, камня отколов кусок,
Стремится дать ему дыханье
И этим хочет доказать
Всю силу авторского дарованья.

Когда б я мог вам рассказать,
Как дышат валуны любовью,
Когда поверят, что не враг
Склонился к их изголовью.

И трав неслышный, быстрый рост
Ласкает их предплечья,
Осенних листьев хоровод
Хранит их от увечья.

А может, это не валун,
А просто чьё-то сердце,
Окаменевшее в веках,
Лежит на этом месте?

1992

**К скульптуре „Древо скорби.
Памяти Виктора Хары“**

Я вложил в твои руки всё –
И тепло своё, и дыханье –
И просил у тебя одного,
Смысла жизни, его пониманья.

Я отдал тебе всего себя,
Чтобы слиться и раствориться.
Я хотел для тебя для одной,
Много раз на свет родиться.

Нет желаннее для меня,
Для всего человеческого рода
Быть частицей тебя и всегда
Знать, что выше любви есть одно,
лишь одно только – Свобода.

1992

Сквозь дымку низкого тумана
По лесу я иду,
И страх охватывает душу,
А вдруг болото? Но иду.

Пути искусства с лесом схожи,
Где нет асфальтовых дорог,
Но есть проторенные тропы
Для лакированных сапог.

Я выбрал сам себе чащобу
И не жалею ни о чём,
Иду сквозь мглу в обход болота
И напролом сквозь бурелом.

1992

Старение несёт всему негодность,
Так скажет каждый материалист.
Лишь дружба проверяется на прочность
В старении. Возможно, я – идеалист.

А в суете сует забылось слово,
Нам данное с самих небес.
О преданности говорю я снова
И снова. Тяжёлое оно на вес.

В любом прощании есть доля смерти,
Вот, старина, настал и наш черёд.
Отныне нас никто не встретит вместе,
Нигде и никогда, я знаю наперёд.

И если к смерти мы придём не скоро
Иль скоро, – кто может час отсчёта знать? –
То в жизни нам уже не сделать много,
Не знаю, как тебе, но мне на это наплевать.

Мы все разделены высоким частоколом,
Что стал чугунным кружевом меж наших душ.
Где чёрного надгробья уголок отколот,
Там след скрепления не затемнит и тушь.

1992

К скульптуре „Взаимопревращение“

Во мне заложена программа,
Ты не корёжься, брат мой,
Ведь в этом я неумолим.
Ты должен стать как я,
Не более того, ни грамма.
Соединим же руки воедино
И превращения уроки повторим.

– Я не желаю! –
Молвил человек, страдая, –
Оставь, и вовсе я тебе не брат.
Пусть будет всё как есть,
Былая наша мудрость вековая,
Истории всей опыт в ней,
Её не перечесать.

Раздался хруст и скрежет,
Ломались человечьи кости,
Слепая техника их за собой влекла,
Но всё напрасно, вы уж мне поверьте,
Ей дух наш не уничтожить никогда.

1992

К скульптуре „Человек и тень“

Человечек, человечек, музыка моя!
В честь тебя зажжёт я свечи от сердца огня.
Я люблю твой светлый облик, доброту в глазах,
Твой я старый, вечный школьник в мыслях и делах.

Есть в тебе и зло, и ревность, и иных пороков свод, –
Ты и гений, и невежда, может, даже сброд.
Человечек, человечек, многолик твой лик,
Не соскучишься при встрече – мыслью ты велик.

Никакая Книга мира весь твой опыт не вместит:
Ведь звучала твоя лира, был и в бронзе ты отлит.
Ты велик, мой Человечек, крепок, как гранит,
Для меня ты остаёшься – скальный монолит.

1992

**К скульптуре „Застенок.
Борцам за права человека“**

Цвета лазури
Морские дали,
Рука занемела, –
Холодно стало.

Тяжесть в мыслях,
Тошнота в теле,
Рука занемела, –
Жарко стало.

Слышу волны,
И плеск их печален,
Рука занемела, –
Холодно стало.

Многоголосье...
Христа распяли!
Рука занемела, –
Жарко стало.

Я требовал смерти, –
Мне в ней отказали,
Я поднял руки, –
Их тут же связали.

Рука занемела,
Рука...
Мы отдали жизнь,
Что будет с вами?

1992

К скульптуре „Слон и обезьяна“

Сказала как-то обезьяна огромному слону:
„В этом мире всё относительно,
Допустим, я внизу, а ты, ну, скажем, наверху,
А завтра всё измениться может удивительно.

Вот ты всю жизнь трудился на людей,
Участвовал в делах их спорных,
А я жила среди ветвей
И сплю без порошков снотворных.

Так кто из нас внизу, кто наверху –
То, старина, нелёгкая дилемма,
Но лишь тебе по-дружески скажу,
Для всех она неразрешимая проблема“.

1992

К скульптуре "Монах"

Безлюдные горы – глыбы,
Как исполины земли,
Мою страну заполонили
И вытеснили зелень листвы.

Силуэтами древних пирамид
Высятся на небосклоне Наири
Отрешённые в оцепенении
Немые свидетели извечной борьбы.

Исчезли с планеты народы,
Стёрлись их письмена.
Остались загадкой их ноты, –
А Армения жива.

Моя далекая - близкая Родина,
Я вижу колонны твои,
Я знаю, какими трудами
Сыны твои их возвели.

Пергамент твоей древности
Обильно кровью полит,
А безымянным переписчикам
Ещё не воздвигнут гранит.

В глубоких морщинах твой облик,
Глаза мудреца на нём,
Он веру внушает упавшим,
Отчаявшимся и пропавшим

И знает всегда о том,
Что все мы – его дети,
Все те, кто любит отчий дом,
Единым связаны узлом.

1992

К скульптуре "Реквием"

Всё зашаталось, затем толчок,
Толчок чудовищной подземной силы,
И рухнули строенья, от пыли тьма,
А после... крики, стоны, беготня...
В бетон вгрызались, плача от бессилья.

Услышал Мир и заспешил,
Спешил на помощь библейскому народу.
Мир разгребал, он чудеса творил,
А рядом – мародер, он зубы с мёртвого тащил.
В беде людской „везёт“ всегда уроду.

Крепитесь, люди, звоните в колокола!
Ад на земле, одни гробы у входа.
Пришла беда! Беда! Беда!
Земля вся в трещинах, и слышится с глубин
Предсмертная икота.

Мужайся, люд, мужайся, мой народ!
Мы не одни – теперь нас много.
Мы устоим, беда нас не возьмёт,
Как и в былые времена, отплачемся
И будем строить очень много.

1992

Беда с тобой мне, друг, беда,
Зачем ты мучаешь себя?
Ну Мир же не сгорел дотла?
И солнце не погасло навсегда,
Беда мне, друг, с тобой, беда.

Тот, кто живое сотворил,
Видать, спросить тебя забыл,
Нужны ли людям иногда
Надежды чуткие слова?
Беда мне, друг, с тобой, беда.

Беда с тобой мне, друг, беда,
Порой мне не понять тебя,
Твоё я маленькое „я“,
А дышим врозь: всяк для себя,
Беда мне, друг, с тобой, беда.

1992

Прекрасен лес,
Застыла хвоя,
Под снегом всё
Белым-бело.
Ни ветерка,
Ни шороха,
Ни звука никакого.
И тишина, безмолвие,
Не слышно ничего.

А я один,
Я ворон в поле,
Угрюм,
Невесел оттого,
Что вижу диво,
Да такое!
Заныло где-то
Аж до боли
В глубинах сердца моего.

И тайны этой – чудо-леса
Раскрыть никак мне не дано.
Не спеть мне песен
Ни про поле,
Ни про леса,
Луга, снега –
И все раздолье,
Не положить тех красок
На полотно.

1992

Слышны мне таинства земли,
Когда поля от снега белы,
Созвучны музыке души
Те отдалённые напевы.

Запорошённые леса,
В них чудо-сказка голубая,
Звнящая там тишина,
В ней колыбель, в ней жизнь иная.

Милы мне снежные поля,
Лесов морозное дыханье,
Они во мне, и в них есть я, —
Забыло сердце дух роптанья.

Невестой южной для меня
Мне стала северная сказка,
И не было такого дня,
Чтоб не писал волшебной краской.

1992

Камень, резец, молоток –
Цок, цок, цок, цок –
Выбито еще одно имя...
Мною выдержан шрифт,
Близкими – печальный стон,
Нами вместе – погребальный тон,
И так семнадцать лет подряд
„Рахумяэский кивихоон“*.

Пулемётами отбойных молотков
По плитам, по памятникам, по валунам.
Подъёмник, фрез, шлифующий станок,
Телега – и мой покойник в камне.

И вновь стучит мой молоток,
Им вырублены тысячи имён.
Тут Рейн и Калью, и Тийна и Иван,
И много, много, не осевших в памяти.
Под ними даты – от и до,
В них всё и ничего.

И так семнадцать лет подряд.
Уж, видно, так мне суждено,
С утра увековечить чьё-то имя,
А вечером – своё.

1992

* Каменотесная мастерская в местечке Рахумяэ.

Вот такую я тебя люблю,
Влажную, красивую,
И ночей твоих белизну,
Тихую, неторопливую.

Запах хвои сырых лесов,
Аромат куста сирени,
Полной грудью вдыхаю я,
Обнимаю тебя, любя.

Хуторянка хлопотливая,
Вся в заботах, нешумливая,
Посмотрела, брови сдвинула,
Отвернулась – сердце вынула.

Вот такую я тебя люблю,
Непорочную, правдивую,
Беззаветная моя любовь
Напоила меня вновь.

1992

Не врывайтесь в мои владенья,
Не аграрий я – бедный пастух,
Не тревожьте души песнопенья,
Станьте поодаль в скорбный круг.

Я хотел подарить вам радость
Стран далёких да горных лугов,
Для себя же самую малость
Дуновенья южных ветров.

Не врывайтесь в мои владенья,
Я не князь, я просто пастух,
Нет дворцов у меня и имений,
Есть лишь сердце да горца дух.

1992

Мне бы лечь на земную грудь
Да вдохнуть её трав прохладу,
Мне бы слиться с ней и уснуть,
Тяжким думам моим нету сладу.
Мне бы снять с себя ворох забот
И с души своей скорбной томленье,
Пусть дождей тех душистый озон
Принесёт миражи избавленья.
Стать бы каплей земной росы,
Испариться бы во Вселенной,
Через тысячу лет прийти
Полным сил для земных свершений.

1992

Янов день

Отзвучали последние звуки лютни,
Откружился девичий хоровод,
И в сосновом бору стало безлюдно,
Стало грустно мне, на сердце – лёд.

Лес дышал болотным хладом,
Густо рос его бурьян.
Строгие сосны как на параде,
В голове – сплошной дурман.

Вспомнились молодые годы,
Дружно жили и легко,
Наши были все широты,
Стало на сердце тепло.

Так сидел в воспоминаньях,
Угли тлели бывшего костра,
Отплясались мои северяне,
Не плясал лишь только я.

1992

Надежда

Освещённая вся изнутри,
Ты стоишь в ореоле света,
Дева самой чистой любви,
Той любви, что была без ответа.

Нет порока в надежды снах
И каприза в твоих движеньях,
И хрусталики неба в очах
Голубились в моих сновиденьях.

Освещённая вся изнутри,
Ты подарок для душ неверия,
Я колени свои преклонил
Пред свечою людского доверия.

Люди сразу тебя узнают
И глядят с тоскливым молчанием,
Не одаришь ли взглядом их путь –
Путь труда и борьбы с отчаянием.

1992

К скульптуре „Свалка“

Колотится, колотится
В груди тревожный стук,
Молотится, молотится
И не даёт уснуть.

Вбирает, выпускает,
Все вены насыщает,
Колотится, колотится
Сердечный мой сосуд.

И дум тех лихорадка
Врывается ей в люк,
Что ни удар – загадка,
Чем отзовется вдруг?

Не рвись и не мечись!
Уймись, всё вздор.
Ведь ты – не бычье сердце,
И я не матадор.

1992

К скульптуре „Жизнь пробилась“

Снег древа яблони цветущей
Заполонил весенний сад,
И на ветвях, и на верхушках
Вороны чёрные сидят.

Как на прекрасном теле девы
С его молочной белизной
Родимых пятен угли встретим,
Каприз природы всей, Земной.

Ох, если б жизнь была бы светлой,
А в ней лишь россыпь тёмных бус.
Так нет, её расцветка – зеброй,
Где радость с горем как союз.

1992

Внучке

Ты появилась на свет, и в мои серые будни вошла тихая радость.
Огрубевшие руки мои стали несущим гнездом для тебя – воробышка.
Я нашёл тебе имя, и твои родители согласились с ним, доверившись моей интуиции.
Это античное имя несёт в себе звучание женственности и настойчивости одновременно.
Я вижу тебя именно такой, наша пока ещё малютка Диана.
Да пошлёт тебе Господь Бог здоровья и счастья, и да сбудутся все твои мечты.

Примите меня в мир ваш, люди!
Криком рождения нас извещая,
Крохотная и нагая,
Беззащитная, но живая,
Она вошла.
Свершилось чудо.
Слава тебе, дитя!

Мир. Как бесконечно он далёк от совершенства,
Пустынный мир. Он состоит из крупных и малых пирамид,
И всё в движении, как результат протеста,
А жизнь – песок, и сфинкс молчание хранит.

Есть зло и есть добро, как вечность,
Коварство есть, и чистая любовь.
Предательство, но есть и верность,
Потери и приобретенья вновь.

И нескончаемая суета сует людских переживаний,
А в ожерелье сфинкса вплетены и смех, и плач.
Несут барханы множество в себе воспоминаний
И тайну череды эпох, и детский плач.

Вот так устроен этот свет – наш храм страданий,
Я описал тебе лишь схематичное его лицо.
Ты родилась в змеиный год, год размышлений, созерцаний,
Так пусть же мудрость, а не яд, печатью ляжет на твоё чело.

2 января 1994 г.

Мы, бывшие шестидесятники,
Степенными стали дедами,
Мы не судьбы привратники,
Сражаемся с разными бедами.

Я смотрю в окно как в прошлое,
На снегу моя же тень,
Силуэт весь перекошенный,
Может, суть, а не только тень?

Ушло многое безвозвратно,
Ушло время, и боли ушли,
Вот и тень языком мне понятным
Говорит – ты огонь потуши.

Погасить свечу несложно,
Слаб тот пламени язычок, –
Мне за тенью своею ложной
В темноту бы не сделать скачок.

Февраль 1997 г.

Когда стало всё бессмысленным,
Когда старость вина всему,
Я сажусь за столик письменный,
Что стоит у меня в углу.

Тихой жизни себе не жаждал,
Трудолюбие чтил и чту,
А что денег – кот заплакал,
И не сетую, и не тужу.

Вот рука, что служила мне верно,
Что тесала чёрный гранит,
Держит лист уж очень скверно,
Белый лист, и он дрожит.

Посвятил я себя иному,
Что любил и сейчас люблю,
Пусть бумага не так весома,
Бить себя не дам никому.

Февраль 1997 г.

Ветер сильный, почти буран,
И в квартире сегодня холодно,
На экране и стыд и срам,
А кому-то сейчас и голодно.

Заезжает с работы сын:
– Вы в порядке, всё нормально?
Мимоходом ест мандарин.
– Эх, сынок, всё вокруг ненормально.

Не нормально, что есть бомжи,
Что на рынке цены высокие,
Зарабатываем мы гроши,
Богатеют купчишки бойкие.

Да, становлюсь брюзгой,
А, впрочем, кому нынче весело,
Да и ветер дул не простой,
Вот и мне было невесело.

1997

Я давно не жду ничего хорошего от жизни,
Что червячится вокруг меня.
Отказали мне в месте положенном – не в дубраве,
Где черви сожрали б меня.

Молитесь за врагов ваших, вас проклинаящих,
Вас унижающих, вас отвергающих. Молюсь.
Ибо им принадлежит царствие повсеместное.
Ну, а как молиться за тупых, бездушных, ледяных и злых?
Прости, Иисусе, грешен, на них я злюсь.

Чтобы всех за всё прощать, очевидно, надо быть святым,
как моя жена.
Эта женщина не сделает никому дурного и не держит зла,
прощает и меня.

Нет. Я слеплен из другого теста. Так я не могу
и вряд ли смогу.
Я помню всё – и доброе и злое, и не спрашивайте, почему.

Но есть и то, что отличает от зеркала кривого,
совсем немногое – не мщу.

Не мщу тогда, когда могу.
Не мщу тогда, когда хочу,
Когда-нибудь с ума сойду,
Не мщу, не мщу, всегда не мщу.

Мне шестьдесят, никто не скажет, что немощность
– мираж на горизонте.
Прости мне, Господи! Возможно, в жизни в чём-то был
и я не прав,
Но врезал бы и ныне каменотёсным кулаком
по рыхлой их когорте,
А после каялся б перед Тобой, да, каялся за свой же
непокорный нрав.

1997

Медленно двигаясь по кухне в полутьме,
Я часто думаю о прожитом и о себе.
И в этом я среди коллег не уникален,
Был славен чей-то путь или вконец печален.

Скажи кто мне в начале самом: – Погоди!
Тебя одни невзгоды ожидают впереди.
И путь не розами усеян будет твой,
Как перст ты будешь одинок душой.

Скажи кто мне в начале самого пути:
– Оставь всё это, и с дороги поверни.
Займись всем тем, что даст тебе доход,
Всем тем, чем занимается вокруг народ.

А будут трудности, ты только нам скажи.
Коль кто обидит – только покажи.
Мы в порошок его сотрём,
И денег нужных наберём.

Тогда я был бы краток, как всегда,
На юге был я сорвиголова,
И за поруганную свою честь
Ответил бы угрозой – кое-что учесь...

А что ответил бы ему сейчас мой гений?
Не стал бы утверждать он всех своих умений.
Нет! Угрюмое молчание храня,
Смотрел бы гений мимо, сквозь меня.

1997

Широкая река мчит армию из спиленного леса,
Заторы же на ней не в силах помешать движению вперёд,
Могучий дуб в воде, всего бревно, не знающее веса,
К чему искать поглубже места, если можно вброд.

Многომиллионная толпа плывет по этой жизни –
Реке, в отличие от брёвен, никак уж не вперёд,
По водной глади из настрадавшейся отчизны
Рванули умники, оставив свой народ.

Поэт не думал о заплыве, ему по духу буерак,
Да, не держал в руках ни топора, ни плуга,
Держал перо, когда кричали, что он враг,
И был за всё нередко бит терпугом.

А если кто-то сделал выбор, как говорится,
Не по течению плыть, назад грести,
Пусть знает, горемыка, где ему укрыться,
Коль встретит умников он на своём пути.

1997

Три стиха в одном

Каски – опрокинутые котлы,
Где варятся глаза чьи-то и мозги.
В бронежилете спина и грудь,
Поверженного можно и ножом проткнуть.
Две истины живут в одном и том же доме.
При наступлении одной – другая в обороне.
И так попеременно до конечного распада,
И никому не ведомо, что им обеим надо.
Из двух начал, враждебных по рождению,
Души смятением подвержен больше я,
И плоть, не выдержав душевного давленья
Порой швыряет вниз меня.

Виноград – энергию впитавший солнца луч
И освещённый ярким светом,
Поэтами не раз воспетый, когда вином налит бокал
И виден уж страстей накал, он веселит,
Он будоражит кровь, и он любим за это.
Лишь только для невежды он носитель зла.
Не зная разницы меж пьянкой и застольем
И в каждом собутыльнике имея друга,
Способного предать при первом же испуге,
Что может доказать ему лоза,
Когда нет градусов в ней, нет ещё вина.
Художник, даже если он не гений,
Всё тот же виноград,
И почвой служат для него поля страданий и сражений.
Он так же, как и гроздь, вобрав в себя из жизни свет,
Играет цветом, как вином, и бережёт людей от бед.

Людская темнота – всегда есть пропасть,
Когда она в умах людей.
Река бурлящая, и пустота под ней.
Нет в ней растений, нет камней,
И никаких иных препятствий,
Ни живности иной,
Нет ничего для страсти.
Сплошная темнота и пустота.
Вот только мрази много укрылось всякой масти
С желанием одним – как можно больше власти.
И наступает длительная ночь, и ускользает в ней комета,
И не ищите никогда на то в истории ответа.
Разнится мрак от яркого свеченья.
Куда успела темнота,
Там национальная вражда –
Людское умопомраченье.

Бревно в руках умельца лишится своей коры,
Чтоб обнажить идею татуированной сосны.
Одежды серой не жалея и посылая её в печь,
Глумится он над Галатеей. Что для него есть дерева честь?

Проколет ногу мужик здоровый и тут же матом
Обложит так, что будь здоров!
Топор возьмет мужик хреновый, и, чтоб собрать на
Зиму дров, он срубит сосенку-девицу до самых до основ.

Я и сам отнюдь не безгрешен, мои руки по локоть в крови.
Сколько сосенок я изувечил, каждой клялся при этом в любви.
А дерево – оно живое, всё чувствует, хоть и молчит.
Смотрю любовно, и порою – листва в ответ дрожит.

И умолкла совсем моя лира,
Сон всё снится про дерева росток.
Голова тоже держится криво,
Преподал мне Пегас свой урок.

1997

Вытянутая головка, толстая косичка...
Нет, нет, ты не палка, палка, огуречек,
Вот и вышел человечек.
Ты моя принцесса – птичка.

Как же кашель ночью тебя замучил,
Бедная моя малышка,
Сердце деда надорвала маленькая мышка.
Своим телом самочувствие твоё я чуть улучшил.

Вот с трудом закончил вахту хрыч,
За столом малюет синеглазка.
– Де-ед! Какая тут должна быть краска?
– О-ох, отвяжись! – проямлил еле старый сыч.

1997

Вдоль городских улиц
Бродят хмурые лица. Они –
Скорбные маски, усталые
По той причине,
Что без еды и надежды и уже
Без желанья трудиться,
Но кто-то, зачем-то,
Ох, если б только знать бы,
Но не храм, и не церковь, и
Не часовня, и, конечно, не ксёндз,
И не пастор, и не священник спокойно
Заставили их поститься.

Обросшие и заросшие, а где им стричься,
А чем им бриться,
Чтобы выглядеть достойно.
Вон тот молодой и стройный,
С ним грязная девка,
На ней мужская кепка
И юбка цвета хаки,
Несёт от них терпко,
Вот-вот дойдут до драки,
Оба держатся слишком вольно,
Пьяны и вполне довольны,
Смотреть на них, право, больно.

Где те, кто в этом виновны?
Возможно, слишком проворны?
Возможно, не знаю.
Пусть слова мои банальны,
Примитивны и сальны,
Но не стану газетам вторить,
И не буду с вами спорить,
Знаю только, что они каналы.
До чего же подлое время.
Кому власть, а кому бремя,
Кто бос, а кто воняет ваксой,
В старину величали бы саксом.*

И куда мы все поплыли?
При Союзе Европой слыли,
И всё нам было мало,
Что-то во мне сломалось,
Чувствую себя усталым,
Всё от этого бардака.
Теперь мы все безличны,
Даже те, кто живёт прилично,
Вижу всё наперёд отлично.
Заверяю об этом публично
– Не пробудемся от сна,
Ещё много хлебнём дерьма.

1997

*Сакс – по-эстонски немец, иносказательно – хозяин.

К автопортрету

Мы с детства верим в то, что человек для красоты рождён,
Стремленье духа выше собственного роста,
Что не в пустыне, а среди людей живём,
Не стоит замыкаться на силах воспроизводства.
Согласен, говорю со всей ответственностью зрелого ума,
Мне сорок шесть исполнилось вчера.
Умно, возвышенно и просто.

Но тут паук рассудка сетку вьёт,
И клетки сетки из одних вопросов:
Зачем тебе твоё уединенье?
И где твой верный Аладдин,
Его где лампа вдохновенья?
А не посеял ли ты светоч дня?
Не потерял ли самого себя?

Что мне ответить? Не посеял!
Всегда в себя я твердо верил,
А нужно ли мое копенье?
Всеми даст Время определенье.
Паук ничем меня не удивил,
Вопросы стары, как сама планета.
Конечно, пульс мой участил,
Да только вот зачем мне это?

1997

К автопортрету

И не ищите, господя, какого-то здесь волшебства,
На белом тёмное пятно, и лишь одно, что залегло на дно,
Под тяжестью штрихов укрылось и ушло в иные измерения,
миры, пространства.
Пожалуй, вот и всё, взгляните сами, я перед вами на костре,
и в копоти моё лицо.

2000

Посвящение 1

Безлик тот мир, где нет страданий,
Мой мир был создан из частиц его,
Врата открыты для полосованья
Меня, воткнут и скальпель под ребро.

Познавший истину немного сумасшедший,
Тяжёл увесистый её сапог,
Он был один из нас, по жизни шедший
Безухий гений, старина Ван Гог.

Иисус всё притчами глаголил,
Оставив плотницкое ремесло,
Да, просвещал, но никого не холил,
А целовавшему Он не глядел в лицо.

Винсент и я дружили с Ним когда-то,
Хороший, добрый человек Он был,
Конечно, имя Его свято,
И помолиться бы я рад, да нету сил.

10 марта 2003 г.

Посвящение 2

Привычных связей ритм нарушен,
Прощанье было, а потом вино,
И день последующий тягучим,
Кисть пересохла, мазок не лёг на полотно.

Вся жизнь из хлёстких бичеваний,
Судьбы художника удел,
А горьких, сдавленных рыданий
Услышать Он не захотел.

Палитра Мира залита кровью,
Огонь пасхальный жжёт лицо,
Она ушла с сердечной болью,
Оставив мне никчёмным всё.

11 марта 2003 г.

Посвящение 3

Всплывает в памяти былое,
Крылатый день, на крыльях я,
И в сердце было только двое,
Сыночек и жена моя.

Потом пришла невестка в дом,
Дни солнечные замелькали чаще,
Внучата, будто в цвете сон
Жизнь грезилась светлей и краше.

Гончар пред людом – стебель голый,
Стекает пот с лица на грудь,
Плевков толпы всегда тяжёлый:
– Ты был говнюк, таким и будь!

В дни непризнаний, в дни страданий
Хранитель-ангел был у меня,
О нём рифмую я повествованье,
Всё о единственном, оставившем меня.

Ты бросил нас на произвол судеб
И с неба хладно наблюдаешь,
Жена – хранитель и духовный хлеб
В пути к Тебе, – Ты это знаешь.

13 марта 2003 г.

Посвящение 4

Причал мой ныне берег скорби,
Одни лишь камни да кресты на нём,
Гранит воздвигнутых надгробий
Несчастливым. Награда – вечный сон.

Печаль на вкус солоновата,
Слеза, не ведая преград, повисла
На губах, твердивших ей когда-то:
– Нужны мне ты и сын. Вы – мой талант.

Фотоальбом – печать бывшего,
Листы картонные в руках опять.
И старец, сгорбившись, всё снова
И снова листает время вспять.

Напрасны грусть, переживанья,
Напрасен жизни всей удел,
Иль всё напрасно в мирозданьи?
О, я был глуп, осмыслить захотел.

22 марта 2003 г.

Посвящение 5

Настал тот день, тебя не стало,
Эбеном небо заволокло,
Стоял я, преклонив колени,
В ногах у гроба твоего.

Часовенка полна народу,
Кадит в ней поп, кажись, левша,
Подобного не видел сроду,
А после – просто тишина.

Не сбылось всё недожитое,
Не спел нам песен старый бард
Про сад любви, про всё такое...
И вычеркнул я слово art.

Прощай, мой ангел, добрый гений,
Нас разлучить под силу было смерти,
Нет больше их, кухонных бдений,
И тех бесед о жизни круговерти.

25 марта 2003 г.

Посвящение 6

Сквозь твердосплавленный металл
Проходят мысли напряженья,
Я посылаю тебе вдаль
Своё страданье, сердца тленье.

В потёмках космоса не заблудится
Душой направленный сигнал,
Чтобы обнять тебя, чтоб слиться
С тобой. Поверь, я жить устал.

Среди людей, нам близких и не близких,
Я нынче бесконечно одинок.
От штампа слов и глаз их липких
Хотел бежать, да занемог.

Поводья мчащейся кареты –
Невестка, сын, их детвора,
А в остальном – все песни спеты,
Стою у врат небесного двора.

26 марта 2003 г.

Посвящение 7

Зачем мы праведно живём?
Зачем мы бережём друг друга?
Чтоб враз настигнул вечный сон
И отнял у меня подругу?

Ты, сотворивший мирозданье,
Вселивший душу в нас,
Ведь человек умом познанья
Всех превосходит во сто раз.

Все накопленья возвышенного духа,
Добро, любовь, не запятнали честь.
Нет нынче у меня ни глаз, ни слуха,
А только цифра двадцать шесть.

И эта цифра повторялась
Как вопль души или как брань,
И звуки скорбные не растворялись
В ночи, кровоточила сердца рвань.

26 марта 2003 г.

В раздумии о днях, текущих вяло,
О свечку крылья подпалил мой мотылёк.
По миру нынче я брожу устало –
Ключ к вдохновению утерян, к чему замок?

В ночи петляют белые снежинки,
К утру их ляжет масса – будет снег! –
Лучи Ярилы превратят их в льдинки,
Растают к полдню – вот и прожит век.

Вот вал воды и его сперма - пена
На берег катятся издалека,
И вздулись мощно океана вены:
В совокуплении волна – и умерла.

Был взлёт души, затем – паденье,
А за падением – забвенье вслед.
Бессмертен на земле лишь гений,
А мне не нанести бы грязи на паркет...

6 апреля 2003 г.

Вот камень, мрамор снежно-белый,
А вот и древо тёплое стоит,
Гранит неполированный, дебелий
Ваятель всё долбит, долбит.

Холст загрунтован, на нём белила,
Он излучает добрый свет,
Углём рисунки, с мощной силой
Штрихи легли на белый цвет.

А ныне всё застыло, всё, что было,
Застыла жизнь, в груди же ад,
Погас мой светоч, и всё сдуло
Холодным ветром в бесплодный сад.

Настала мгла в моём сознании,
Свинцом залита скорбная душа.
И нет уж сил, и все познания
Что блик во тьме, хожу едва дыша.

8 апреля 2003 г.

Зачем живу и почему живу,
Когда не в силах я унять щемящую тоску?
А боль всё глубже и острее,
И одиночество моё в людском миру всё тяжелее.

Уж сколько говорил себе я раз,
Жизнь – ветхий дом, здесь в горе ты, а твой сосед пустился в пляс,
И не суди о людях с ходу,
Ты в длительной ночи, им выпал день, а днём всегда полно народу.

Ум понимает это без труда.
Что делать с сердцем? Оно не слушает меня,
И спор меж ними столь печален,
Ум жить велит, а сердце вопиит: „Зачем ты, старец, жить оставлен?“

Вот так проходят день за днем,
И в суете сует хоть как-то забываясь, к ночи сбиваешься тяжёлым сном,
А утром, неведомо зачем и всё же просыпаясь,
Лежишь. Да, нет её, моя к исходу движет жизнь,
Пишу, ни в чём ни перед Кем не каюсь.

10 апреля 2003 г.

Бездействует рука,
Заброшены и кисть и стека,
И молоток уж больше не стучит,
Всё сожжено и на Голгофе века,
Как на толкучке, барахлом лежит.

Затеряны бывлые тропы,
И нет костра ни в поле, ни в груди,
Не растопить мне снега, одна утеха,
Мне виден трос над пропастью,
Вот по нему мне и идти.

И я иду, иду по тросу,
Так шаг за шагом с трепетом в груди.
Будь даже я канатоходцем, с него ведь не сойти.
Уж зябко мне, немеют ноги. Как идти?
Да, и за пропастью ведь всё не просто, а мне идти, идти...

Жизнь наша та же пропасть,
Мы балансируем над ней в своём пути.
Кто ловок и хитёр, тому не в новость,
Для остальных же – Боже упаси.
А потеряешь равновесье, то хоть ползком, но доползи.

31 июля 2003 г.

Подарил мне отец гитару,
Был я самый весёлый жених.
И кружились в танце пары,
Любовались мы с Ирой на них.

Всплыло в памяти былое –
И вино, и безудержный пляс,
И кровать, и всё остальное,
И невеста в ночи без прикрас.

Почти сорок лет минуло
С той чудесной, юной поры.
Нынче всё во мне утонуло,
Сердце кануло в тартарары.

Вот стоит в углу гитара,
Отвернувшись от всех и вся.
Может, взять аккордов пару...
Кто же слушать будет меня?

5 августа 2003 г.

Минуло мало с той поры,
А я уж стар безмерно
Не только внешне, и внутри,
И чувствую себя прескверно.

Друзей осталось раз иль два,
А остальных как ливнем смыло.
Ведь в доме, где живёт беда,
И днём и ночью всё уныло.

Стал тусклым светлый мой очаг,
И по ночам мне всё не спится,
Работать не могу никак,
А поутру нет сил побриться.

И сиротливо мечется душа,
Ища, к кому бы прислониться
А Муза будто навсегда ушла.
Неужто мне не возродиться?

7 августа 2003 г.

Всю прожитую жизнь был узником прекрасного,
А ныне – только узник собственной тоски,
Тогда вопрос – не положил ли я труда напрасного
К ногам богини красоты?

Постигнуть истину удел не каждого,
Каким бы ни был ярок и велик талант,
А поддержать, поверить в падшего
Способен добрый, пусть не Атлант.

Я этому был верен долго,
Её до самой гробовой доски.
За что же так наказан я жестоко?
Ведь сохлись в сердце свежие ростки.

К смирению призывает наша вера,
И о усопших церковь говорит,
А я не вижу цвета, вокруг всё серо,
И кровь в сосудах леденит.

8 августа 2003 г.

Усилим друзей я возвращаюсь к жизни,
Чтоб до конца исполнить перед Ней свой долг.
Смерть отняла и мне отмеренной полжизни,
И всё ж намеченное должно завершиться в срок.

Художнику не жить в воспоминаньях.
Его удел – без устали творить,
А о своих ночных стенаниях
Ты вправе никому не говорить.

Так распрями же спину, арт-невольник,
Холст загрунтован, мольберт в углу стоит,
Командуй мыслями, ведь только ты их сотник,
Пред натиском твоим ничто не устоит.

Пусть заживут грядущие творенья,
В них зазвучит прощальный стон.
А в книге напиши ты посвященье,
И это есть твой колокольный звон.

11 августа 2003 г.

Родная!

Тяжёлым был вчерашний день,
Принёс Тебе и мне он славу,
Но нет Тебя, жизнь – набекрень,
И славу пью я как отраву.

Народу было, нет, не тьма,
Но старые нас не забыли,
Общались долго, допоздна,
Немного ели, больше пили.

Твоих портретов скорбный ряд
Висел на стенах поминаний,
Всё остальное суррогат
Моих потуг, людских стараний.

Нет полной жизни без Тебя,
И всё-таки она длится,
Вчера я снова хоронил тебя,
Пил, поминая, и не смог напиться.

16 августа 2003 г.

Как люди, так и их слова
Подчас для нас незаменимы,
Поникла скорбно голова,
Печаль и я как побратимы.

Незаменимы Мама и Жена,
Их боль за нас неизлечима.
Да, жизнь заботами полна,
Потеря в ней невосполнима.

Гляжу в небесную я синеву,
Где души близких обитают
И, грежу как бы наяву,
Возможно, чайками летают.

– Зачем нам, Боже, слёзный дождь?
– Усопшим плиты не помыли.
В стране далёкой умер вождь,
Вчера дитя похоронили.

Мы среди псовых свор
Свои, язычники так не грешили,
Он говорил про глад и мор,
Всего сполна мы получили.

21 августа 2003 г.

Я утром по лесу бреду
И молча песенку пою:
В саду рос голубой цветок,
И был он ростом невысок.

Однажды в сад вошёл и я,
О, диво, что за красота!
Цветок же улыбнулся мне,
И вот он весь в моей руке.

Увёз на Север красоту
И посадил в своём саду,
Свежел, благоухал мой сад,
Я был тому безмерно рад.

Шли годы, старилась земля,
Старела и Её краса,
А в глубине небесных глаз
Любовь светилась без прикрас.

Исчез цветок, опали лепестки,
Вокруг одни лишь сорняки.
Нет сада, нет Тебя,
А в песне живы Ты и Я.

21 августа 2003 г.

Не стесняйтесь сапог нечищенных,
Не гоните бомжей со двора,
Берегитесь вы слов напыщенных,
Как удара взрывного ядра.

Были грозы в ночи, были бури,
Был и самый печальный январь,
И старушки, как сущие фурии,
Разодетые в затхлую старь.

Улыбнитесь в лицо проходящему,
Как хороший знакомый его,
Подыщите скамейку уставшему,
Даже если „несёт“ от него.

И вдруг нежданно-негаданно
Засветится душа, и она,
Как обкуренная ладаном,
Благовонием будет полна.

22 августа 2003 г.

Затрубили трубы тревожно,
Зашатался могучий каштан,
Протрусил мимо лось осторожно,
Весь напрягся и дикий кабан.

Из дубравы повеяло гарью,
Над холмами черным-черно,
Я окликнул тётушку Дарью:
– Положи свой мешок на бревно!

Подошла ко мне старушка,
Огляделась, прищурив глаз,
Я сказал ей, что вижу избушку
Всю в огне и вокруг спецназ.

И ответила тетка устало:
– Ты не бредишь, сынок? Очнись!
Нет вокруг никакой дубравы,
Коль с похмелья, иди и проспись.

22 августа 2003 г.

Когда ты очень добр, то скоро забывают,
Коль щедр не в меру, как должное берут,
Бесхитрость за глупость принимают,
Дашь слабину – и к стеночке припрут.

Сам по себе напрашивается вывод:
Будь начеку всегда, везде, во всём,
Не хочешь быть ударом палки выбит –
Смотри на всё, как на один дурдом.

Пришёл я к выводу и сам его же отрицаю.
Пусть забывают, обирают, дураком зовут,
Пусть даже должником меня считают
Своим, глядишь... и к стенке ведь припрут.

Слова святы, сказанные Человеком:
– Свершив добро, забудь о нём, иди...
Познавший разницу меж тьмой и светом
Познает истину на праведном пути.

23 августа 2003 г.

Грозой и ветром дуб повален,
Лежит он на дороге, посреди,
Вчера был и красив и статен,
Сегодня всем мешает на пути.

Навеки связанные с почвой корни
Беспомощно из-под неё торчат,
А ветви богатырские покорно
У ног прохожих возлежат.

Да, сие и есть закон природы,
Пожил, состарился, уйди...
И всё ж горьки людей уходы
В мир бестелесный с полпути.

Дуб распилили, промчались годы,
А ныне там пошёл росток
Всё той же, дубовой породы,
Возможно, дочь или сынок.

Картина эта впечатляет,
Она о многом говорит,
Пусть страха смерти не снимает,
Но в то же время жить велит.

23 августа 2003 г.

Почему веселы путаны
И угрюм, невесел народ?
Не вставать девчонкам рано,
Оплатил похотливый сброд.

Почему народ столь беден?
Нувориши в гору пошли.
Дом сиротский ныне тесен,
При строительстве не учли...

Мир устроен, право, странно,
Кому свет, кому-то зга,
Кто-то утром жрёт бананы,
А кому и в окно пурга.

Мне вставать привычно рано,
Камень был мой надёжный друг.
И, однако, купить бананов,
Что в кармане моём? А вдруг...

25 августа 2003 г.

Урвать побольше – вот лозунг века,
Мораль, пришедшая извне,
Что ни богач – душой калека,
Собой доволен же вполне.

Отцы делились, помнится, последним,
Едой и куревом в бою.
Я век свой прожил тоже бедным,
Но у прекрасного в плену.

А ныне всё в стране переменялось,
Кто был умён, тот стал никем
И вывернулось как-то, перекрутилось,
Кто был ничем, стал ныне всем.

Так не судите же меня и нас, потомки,
Старались честно мы для нас и вас,
Задерживались на больничных койках...
„...Да не судимы будете“, – в писании есть глас.

25 августа 2003 г.

Верблюд был стар, измучен жаждой.
Горбы висели, как два мешка,
И борода была его лохматой,
Умом, однако, отличалась голова.

И шествуя в начале каравана,
Уж сколько лет он нёс свой груз,
И шкура на боку была так драна,
Что кровь сосал из раны гнус.

За ним шагали сыновья и внуки,
Потом торговый шёл народ,
В конце погонщик однурукий,
А дальше шествовал верблюжий род.

Но вдруг задула яростная буря,
Песком упавших занесло.
И покружившись, скрылась буря,
Встал караван, недосчитались одного.

26 августа 2003 г.

Я видел спиленные пни
В лесу, где зори алы.
Напоминали мне они
Сражённые войной дубравы.

Была весна, был молод я,
Со мной подруженька моя,
Гуляли с ней мы допоздна.
Любовь тогда у нас была.

И вдруг заметила она
Кольцо, лежащее у пня.
Я подошел, а там рука,
Костяшка смотрит на меня.

Была весна, цвели поля,
Мы были счастливы, она и я,
Любили жизнь, самих себя,
А в лес тот не ходили никогда.

27 августа 2003 г.

Не модно ныне донкихотство,
Идальго глуп был потому,
Что совмещал он благородство
С идеей мёртвой на корню.

Вершил добро, не жаждал славы,
Любил возвышенную цель,
Готов сразиться был с оравой
Вращавших ветров карусель.

А им придуманная фея,
Возможно, и поныне ждет.
Да, да, та Дульсинея,
Что замуж за него пойдет.

Зачем нам доны и их феи,
И Санчо Пансы нам не нужны,
Чужды их благородные идеи
Нам... Порокам мы верны.

27 августа 2003 г.

Человек, он в жизни не пустой,
Я утверждаю это однозначно.
Кто отрицает, тот «слепой»,
Настроен он довольно мрачно.

Судьба порой швыряет нас направо и налево,
Слоновым грузом вдавливая в грунт,
В мороз и в жар с особым подогревом,
И наблюдает – неужто не помрут?

А мы живём, мы за неё дерёмся,
Дерёмся яростно за проклятую жизнь.
Плечами жёстко друг о друга бьёмся,
Не делали бы раньше, ну ни в жисть.

И так от самого рожденья до заката
Идем вдоль пропасти, дыханье затая.
В борьбе под солнцем дело наше свято,
И все ж... Зачем вся эта кутерьма?

27 августа 2003 г.

– Позвольте мне спросить вас, уважаемый бродяга,
Неужто не хотелось гнездышка по жизни свить?
Я вижу, что не чужда в потасовке и отвага
Вам, кого угодно ведь по пьяни можете побить.

Вокруг вас люди сытые, довольные, с достатком,
Напитки, бабы, наркота... и прочая там дрянь.
Что? На скамейке спится так уж сладко,
Ведь холодно, поди, в такую рань?

Взглянув угрюмо, бомж ответил как-то странно:
– Ты, парень, сам не спи, протри глаза, проснись.
Да, холодно и голодно, и платье моё драно,
Но я свободен, а ты иди... иди и гнись.

28 августа 2003 г.

Пропал весь смысл изначальный,
Жена, семья, свой дом и я,
Рассыпан порошок стиральный,
В машине пусто, нет белья.

Дом опустел, не мыты окна,
Всё на местах, но нет тепла
И на балконе тряпьё не сохнет,
Хозяйка в доме умерла.

Зачем мне дом, а в доме окна?
Зачем мне вся под ним земля?
Скорей бы мой мотор заглохнул,
С любимой рядом лег бы я.

Не вечен сад, цветы не вечны,
Не вечна жизнь и все и вся.
Ничто на свете так не вечно,
Как дикая тоска моя.

29 августа 2003 г.

Повернулась судьба иначе,
Изменился и мыслей ход,
Мне бы пить напиток слаще,
Чем пчелы янтарный мёд.

Ненавязчивые виденья
Стали явью в моём саду
После всех утех и бдений,
Были оба как в бреду.

Всё ушло, как дым исчезло,
Всё развеялось на ветру,
Обнажилось и облезло,
Привкус горечи во рту.

Затуманенное сознание,
Вроде жил или не жил?
А багаж мудрёных знаний
Мне совсем не послужил.

30 августа 2003 г.

С трудом болезни преодолевая,
Мы копим деньги, складывая в ряд,
Мы одного не понимаем,
Что тешим беса, он и рад.

Иисус нам завещал другое,
Об истине Он говорил.
Заветы вспоминаю с болью,
Мир не поверил, Мир грешил.

Минули два тысячелетья,
В них были войны и вражда,
И не было ни одного столетья,
Когда б не славили Христа.

Кто в полный рост, а кто пригнувшись,
Кто втайне, а кто и на виду
Молили Господа. О чём же?
Да чтоб отвёл от них беду.

Грехов мы жаждем отпущения,
Все причащаемся подряд,
Перекрестимся, а затем уж
Грешим, и больше во сто крат.

30 августа 2003 г.

Похвастался однажды старый кот,
Что киску юную к себе завлѣк,
Коты же слушали, разинув рот,
А что он врѣт, им было невдомѣк.

И так увлѣкся наглый кот,
Его же трѣпа было ему мало,
И выступил на лбу уж пот,
И сразу как-то зябко стало.

Стоял кот, хвастаясь, всё на ветру.
Не думал, врун, что он-то старый.
Кот думал – от вранья я не помру,
Пусть знают, какой я бравый.

И простудился лживый кот,
Всѣ кашлял, фыркал и потел ночами,
Облез, несчастный, стал совсем урод,
Мяукал слѣзно и ослеп очами.

Однажды, когда был он очень плох,
Явилась к нему оболганная киска,
Тут от стыда он чуть было не сдох –
Несла голодному вруну она сосиску.

Мораль при этом такова:
Не ври безудержно и помни про кота.

31 августа 2003 г.

Добыты редкие мгновенья
Души мятежной вдохновенья,
Лег на бумагу чёткий стих
Из букв разбросанных, косых.

Той осенью златой несмело
В природе нежно всё запело,
В тиши и хвойные леса,
Затрепетала и душа.

Записывая свой стишок,
Я сел в лесу на бугорок
И вдруг увидел на свету
Вороны скорбную тоску.

Но сыра не было с собой,
Зато был бутерброда слой,
Не размышляя, как всегда,
Я дал вороне полхлебца.

Схватила хлеб ворона враз
И вмиг исчезла с моих глаз,
И на прощание, без зла,
Накакала, мерзавка, на меня.

С тех пор ворон я обхожу
И завтраком их не кормлю.

31 августа 2003 г.

Гриб не был грибником отрыт,
Ногами, правда, был побит,
И если был и ядовит,
То дождик смыл, а он всё спит.

Принявши душ, поспав сполна,
Гриб пробудился ото сна
И первое, что пожелал узнать,
Недели день, не пятница ль опять.

Спросив у тех, кто встал давно,
Он понял, что никто не знает ничего.
Потягиваясь телом и зевая всласть,
Решил ещё немножко подремать.

Сюда бродяжий пёс забрёл,
Случайно как-то он зашёл
И без какого-либо зла,
Грибок он сбил во время сна.

Мораль предельно здесь проста –
Где псы как люди, там не до сна.

31 августа 2003 г.

Когда я был и строен и высок,
Хотя, быть может, таким я никогда не был,
Мне другом был один «пенёк»
С роскошной шевелюрой, ливень её смыл.

Пошли мы как-то с другом среди дня
Фотографироваться, как старые друзья.
Надел я шляпу, и она повыше сделала меня.
Я был красив, мне важным было моё „Я“.

И вдруг мой нежный друг-пенёк
Мне заявляет, глядя снизу в бок:
– Ты, парень, особенно не гордись
И в ямочку пониже опустишь.

Я так был этим удивлён,
Что сделал шаг, и роковым стал он.
Фотограф щёлкнул. Вот беда!
С моею рядом его тупая голова.

1 сентября 2003 г.

Берёза первая в лесу
Нам дарит злата желтизну,
Ей клён дородный в один цвет
Всё излучает солнца свет.

А позже всей листвы народ
Лимонной гаммой запоёт,
И ярко-красный и бордо
С зелёным создадут трио.

В осенней дымке иногда
Забеспокоится листва.
Я в лес тот часто захожу
И долго по нему брожу.

И заиграл ансамбль цвета,
Весь день звучал, и до рассвета.
Затихли птицы, слушают
И о своем всё думают.

1 сентября 2003 г.

Отчего же мысли так сбивчивы?
Устремил в высоту я свой взор,
Говорил Ты с народом притчами,
А в писании их повтор.

Записал апостол Павел:
Ты недуги людей лечил,
И Тебя же люд и славил,
И Твои же ноги мыл.

Ты царём Иудеи не был,
Всё пристанище ища,
Проповедовал и верил,
Что богатство лишь душа.

И глаголил ты благое,
Были чисты твои уста,
Отрицал одно пустое –
Фарисеев, и неспроста.

Отчего же Иуда предал
И за что Ты был распят?
Сам правитель того не ведал
Прокуратор Понтий Пилат.

1 сентября 2003 г.

Как много лет я поутру
Внучушку в школу отвожу.
Остался в памяти моей
Небесный цвет твоих очей.

С окна смотрела ты на нас
И восхищалась каждый раз,
А на прощание порой
Махала доброю рукой.

Армян устои мы храним,
Жить по-чужому не хотим.
И вот в который уже раз
Дианку привожу я в класс.

Закуривая и сжигая спички,
Смотрю на окна по привычке,
Дом пробудился ото сна,
Моё закрыто, нет тебя.

2 сентября 2003 г.

Растёт мой внук, шикарный парень,
Горят глазища – два луча.
Пусть будет в деда – гениален
И учится, уроки не уча.

В роду у нас все мужики шикарны,
У всех глазища в пол-лица,
А дамочки матриархальны,
Рукой приложится, не залечить рубца.

Я горд, что сын и внук шикарны.
Уверен, что и правнуки пойдут в меня,
Пусть повторяюсь, пусть банален,
Не опозорят дети сына и меня.

Читатель! Ты все понимаешь!
Кавказцы чествуют прапрадедов, и до отца.
Отцы же – сыновей и внуков, всех не сосчитаешь.
И так туда-обратно, и опять туда...

А на сегодня я решил остановиться,
Продолжил бы, но я ещё не ел,
Мне просто надо подкрепиться,
Вот повыпендривался и вспотел.

2 сентября 2003 г.

Я хотел бы спросить у Всевышнего,
Я хотел бы спросить у судьбы,
Я хочу, чтобы кто-то услышал
Крик истерзанной моей души.

Почему так тяжело и горестно?
Почему Мир устроен так?
Кто грешит и живёт бессовестно –
Получает особый смак.

Неужели всё так безнадежно,
Неужели должно быть так,
Жить достойно почти невозможно –
Без вражды и кровавых драк.

Я хотел бы спросить у Господа,
Я хотел бы спросить у Него,
Человек стал хуже робота,
Что теперь можно ждать от него?

2 сентября 2003 г.

...Не наливайте вы воды
На жернова моей души,
Вина вы дайте лучше. Вот,
Глядишь, и сердце запоёт.

Про прожитую жизнь не зря
Споём мы песенку, друзья,
Детей и внуков хоровод
Нам вдохновенье принесёт.

Был трудным день, тяжёл был год.
Но верю, будет наоборот.
Любите жизнь, а в ней себя,
И не забудьте про меня.

Я эту песню всем дарю
Про жизнь вашу, и свою.
Не обвиняйте же меня,
Что спел я песню про себя.

2 сентября 2003 г.

Если б мог играть на скрипке,
Я б на ней всю жизнь играл,
Пальцы короткие, не гибки,
И от жизни я устал.

Дал Всевышний мне не мало,
Дал талант и дал жену,
А сейчас её не стало,
Отошла она к Нему.

И тягучим стало время,
Потекла речушка вспять.
Не вложить мне ногу в стремя,
Ускакал конь, не поймать.

Был я полон сил и счастлив,
Потрудился на веку.
Улеглись былые страсти,
Грянет день, и я умру.

Не хочу кончать минорно,
Всех давно я вас люблю
И души своей просторы
Вам на суд людской даю.

2 сентября 2003 г.

Я листаю прошедшие годы
И читаю про жизнь свою,
И души неуёмной полёты
Вам на суд я отдаю.

Посмотрите эту малость,
Прочитайте про жизнь в аду,
Там отвага моя и слабость,
Всё по-честному, я не вру.

Не судите строго сразу,
Я открыл вам глубину,
Не вместить её ни во фразу,
Ни в изысканную строфу.

Про мгновения и вечность,
Про завещанную любовь,
Про свою и вашу грешность
Написал я труд из слов.

Полюбите меня за слабость,
Не за то, что скоро умру,
А за то, что имею храбрость.
Вам раскрыться как на духу.

3 октября 2003 г.